

— Цзян Сюэхэ перевела дух и с легким смущением произнесла: — Я здесь почти никого не знаю, поэтому вечно тебя беспокою.

— Пустяки, помогать друзьям — это само собой разумеющееся, — ответила Янь Гуйцю.

В глубине души она лишь надеялась, что Цзян Сюэхэ будет полагаться на нее еще больше. Чувства рождаются из неспешного общения, и раз Цзян Сюэхэ совсем не противится ее близости, значит, все идет как надо.

Они столько раз вместе обедали, можно ли считать это свиданиями?

Надо было заранее присмотреть побольше ресторанов. Янь Гуйцю с легким сожалением подумала об этом, но тут же одернула себя: нельзя быть слишком жадной, во всем нужно знать меру.

— Если сегодня нет срочных дел, давай вечером поужинаем в том ресторанчике неподалеку, в знак благодарности за твою помощь в последнее время, — Цзян Сюэхэ взглянула на часы. — Или, может, ты сначала вернешься домой отдохнуть? Мне здесь осталось только разобрать кое-какие картины, больше ничего важного. Вечером я тебе позвоню.

Янь Гуйцю кивнула: — Хорошо.

Она развернулась и пошла прочь, чувствуя, что буквально парит над землей. Проводя рукой по волосам у виска, она услышала, как Цзян Сюэхэ тихонько прыснула.

— Чумакая кошка, — Цзян Сюэхэ кончиком пальца коснулась своей щеки.

Янь Гуйцю замерла, соображая, в чем дело. Оказалось, она испачкала лицо, когда смахивала пыль с рук. Смущенно коснувшись носа, она обнаружила там еще одно пятно.

— Теперь и правда как кошка, — снова рассмеялась Цзян Сюэхэ.

Уши Янь Гуйцю предательски покраснели.

В этот момент девушка, присматривавшая за залом, постучала в дверь и позвала хозяйку — кто-то пришел к ней. Цзян Сюэхэ отозвалась и указала Янь Гуйцю на уборную:

— Сходи умойся, а я пойду посмотрю, кто там.

Хорошее настроение Цзян Сюэхэ испарилось сразу после того, как она вышла в коридор и увидела в небольшом выставочном зале Тань Сянси.

Заметив ее, Тань Сянси просияла: — Сестренка А-Хэ!

Цзян Сюэхэ слегка улыбнулась: — Госпожа Тань, что-то случилось?

Тань Сянси застыла. Она пришла сюда на порыве: ей нестерпимо хотелось узнать, что же происходит между Цзян Сюэхэ и Янь Гуйцю, и предостеречь ее, чтобы она не дала себя обмануть. Но стоило ей оказаться перед Цзян Сюэхэ, как весь пыл улетучился, словно ее окатили ледяной водой.

Между ними пролегла четкая, непроходимая граница.

Цзян Сюэхэ всегда была такой: мягкой, вежливой, тактичной и спокойной. Она никогда не ссорилась и не позволяла себе лишнего. Она стояла там, словно сошедшая с полотна картина, приветливо встречая каждого прохожего.

Именно такой она нравилась Тань Сянси больше всего.

— Я... я просто хотела на тебя посмотреть, — заикаясь, произнесла Тань Сянси. — На тот банкет по случаю твоего приезда я собиралась прийти, но в университете были дела, никак не смогла вырваться.

— Все в порядке, это не такая уж важная вещь, — равнодушно ответила Цзян Сюэхэ.

— Нет, правда, я не обманываю! — испугавшись, что ей не поверят, Тань Сянси обиженно продолжила оправдываться. — Я только два дня назад вышла из больницы, поэтому и не знала, что ты открыла здесь магазин.

Цзян Сюэхэ лишь коротко отозвалась и спросила, как ее здоровье.

Никакой наигранной холодности, но и никакой излишней заботы — обычный светский разговор с едва знакомым человеком.

Когда Янь Гуйцю вышла из уборной, она подобрала упавшую на пол рамку.

— Сестра Сюэхэ, эта рамка упала, ее оставить снаружи или унести в мастерскую...

Увидев в зале Тань Сянси, Янь Гуйцю осеклась и бросила взгляд на Цзян Сюэхэ.

Та улыбнулась ей и указала на мастерскую: — Отнеси в мастерскую.

Янь Гуйцю кивнула и, проходя мимо, еще раз взглянула на гостью. В глазах Тань Сянси

читались потрясение, настороженность и враждебность. Янь Гуйцю проигнорировала это и направилась вглубь помещения.

Когда она вернулась, Тань Сянси уже ушла.

Янь Гуйцю собралась было уходить, но Цзян Сюэхэ окликнула ее: — Попробуешь?

Она протянула Янь Гуйцю вскрытую пачку печенья, которое только что доставили. Она помнила, что Янь Гуйцю любит сладкое.

Маленькое печенье, размером в два пальца, оказалось очень хрустящим и ароматным, с нежным сливочным вкусом.

Янь Гуйцю невольно зажмурилась от удовольствия: — Очень вкусно.

Цзян Сюэхэ улыбнулась и протянула ей вторую пачку: — Тогда забирай это с собой.

— М?

— Я не очень люблю сладкое.

— А, хорошо, — Янь Гуйцю приняла подарок и моргнула. — Спасибо, сестра Сюэхэ.

— У меня еще есть дела, не буду тебя провожать. Будь осторожна на дороге. Увидимся вечером.

— Да, до вечера.

Янь Гуйцю легкой походкой вышла из галереи. Ее дом был недалеко, минут десять ходьбы. В хорошем настроении даже шум машин казался приятным.

Тань Сянси ждала ее за углом.

Янь Гуйцю нахмурилась и хотела пройти мимо, но та ее окликнула.

— Что ты вообще пытаешься сделать? — с вызовом спросила Тань Сянси.

Янь Гуйцю остановилась.

— Сестренка А-Хэ такой замечательный человек, она не игрушка для твоих забав, — Тань Сянси насупилась, предупреждая: — Другое я могу стерпеть, но если ты посмеешь причинить ей вред, я... я тебя так просто не оставлю!

— Это я должна спрашивать тебя о том же, — Янь Гуйцю посмотрела на Тань Сянси сверху вниз.

Она смотрела на нее с полуулыбкой, и в этом взгляде сквозило невидимое давление, которое она никогда не проявляла в обычной жизни. Она редко злилась, но сейчас была явно не в духе.

— Ч-что? — Тань Сянси невольно отступила на шаг, чувствуя неуверенность.

— В каком качестве ты мне это говоришь? — спросила Янь Гуйцю.

— Я... я знаю сестренку А-Хэ много лет. Я люблю ее и не хочу, чтобы она пострадала от таких, как ты. Разве это нельзя?

— Любишь? — Янь Гуйцю приподняла бровь. — Какое отношение твоя любовь имеет к ней? Вы разве так близки?

Тань Сянси не нашла, что ответить, ее лицо залилось краской — отчасти от стыда, отчасти от ярости.

Янь Гуйцю усмехнулась и нанесла еще один удар: — К тому же, тебе не кажется, что твоя сестренка А-Хэ явно больше любит меня?

Слова ранили сильнее ножа.

Лицо Тань Сянси окаменело, и мысли, крутившиеся в голове, вырвались наружу: — Кто знает, какими сладкими речами ты обманула сестренку А-Хэ!

Раз уж прозвучало такое резкое обвинение, о приличиях можно было забыть.

— Я все узнала! Раньше вы даже не были знакомы! Встретились только на том банкете пару дней назад, перекинулись парой слов — разве могут за это время возникнуть глубокие чувства?!

Голос Тань Сянси становился все выше, гнев — все заметнее, будто Янь Гуйцю уже совершила ужасное преступление.

— Ты ее совсем не любишь! Это сестренка А-Хэ просто добрая и не хочет с тобой связываться, как ты можешь использовать ее доброту, чтобы причинить ей боль?!

— Кто сказал, что я ее не люблю? — Янь Гуйцю приподняла веко. — Никогда не слышала о любви с первого взгляда?

— Это просто похоть! — с презрением бросила Тань Сянси.

— Тогда получается, что любить можно только так, как ты: молча страдать и тайно вздыхать годами?

Янь Гуйцю говорила с издевкой. Тань Сянси задохнулась от возмущения, но промолчала, фактически признавая правоту собеседницы.

— И для кого ты играешь эту роль глубоко страдающей? Столько лет — и даже не стала ей другом. Ты ничем ей не помогла, не сделала ее счастливой. Кроме как тешить собственное самолюбие, есть ли от этого хоть какой-то толк? — спросила Янь Гуйцю.

С каждым ее словом лицо Тань Сянси краснело все сильнее, глаза наполнились слезами. Она задыхалась от ярости, пытаясь что-то сказать, но не находила аргументов.

Тот факт, что Цзян Сюэхэ ее не любит, был очевиден.

Раньше Тань Сянси считала ее недостижимой богиней, которая относится ко всем одинаково, и это было терпимо. Она лишь изредка ревновала к тем, кто был ближе к богине. Но внезапно появилась Янь Гуйцю — незнакомка, с которой Цзян Сюэхэ сблизилась за одну встречу.

Цзян Сюэхэ держала Тань Сянси на расстоянии у порога магазина, в то время как Янь Гуйцю свободно входила в ее личное пространство. Не говоря уже о той незримой мягкости и близости в голосе, которая кардинально отличалась от официальной вежливости с Тань Сянси.

Тань Сянси не была настолько глупа, чтобы не заметить разницу.

Всего одна встреча, всего несколько дней — и они стали неразлучны.

В сравнении с этим Тань Сянси чувствовала себя полной неудачницей, клоуном, стоящим в стороне.

Ей было непонятно, обидно и горько.

Но после холодного допроса Янь Гуйцю у нее даже не осталось сил на ответную агрессию. Она

лишь тихо повторяла: — Почему?

Слезы покатались по красным щекам Тань Сянси. Прохожие начали обращать внимание на их ссору, некоторые останавливались, кто-то даже достал телефон. Не знающие правды люди смотрели на Янь Гуйцю с осуждением: со стороны и правда казалось, что взрослая женщина обижает хрупкую девушку.

Янь Гуйцю успокоилась. Видя слезы Тань Сянси, она почувствовала невольную усмешку — над собой.

К чему она спорит с Тань Сянси? Кто знает, не является ли эта любовь маленькой принцессы очередным злым умыслом сценария?

Быть марионеткой в руках судьбы, даже не осознавая этого — не в этом ли заключается трагедия? К тому же, зачем ей отчитываться перед посторонним человеком о своих отношениях с Цзян Сюэхэ?

— На свете много дорог, — напоследок сказала Янь Гуйцю. — Твоя жизнь еще так длинна, зачем цепляться за это сухое дерево?

Она помолчала и добавила: — И я действительно тебя никогда не любила. Никогда. Некоторые вещи — это воля случая или совпадение, но это точно не любовь.

Янь Гуйцю достала салфетки и протянула их плачущей Тань Сянси.

Та не хотела больше стоять на виду у публики. Опустив голову, она вытерла глаза и с последней надеждой спросила: — Почему она может полюбить тебя, но не может меня?

Янь Гуйцю не собиралась ее утешать. Она лишь сухо ответила: — В делах сердечных не бывает столько «почему».

Она обошла Тань Сянси и пошла дальше.

Вернувшись домой, Янь Гуйцю рассказала о случившемся Сун Аньчэнь.

Сун Аньчэнь вернулась несколько дней назад. В отличие от Янь Гуйцю, которая уже гарантировала себе место в магистратуре, Сун Аньчэнь занималась музыкой и еще со второго курса подписала контракт со студией. Хотя это было скорее хобби, свободного времени у нее было меньше.

Сун Аньчэнь сама спросила про Тань Сянси. Узнав об отношениях Янь Гуйцю и Цзян Сюэхэ, Тань Сянси начала окольными путями расспрашивать всех знакомых, и слухи дошли до Сун Аньчэнь.

Тань Сянси была мягкотелой, и Сун Аньчэнь не боялась, что та натворит бед, но опасалась сплетен и переживала за саму Янь Гуйцю.

Янь Гуйцю рассказала, что их отношения с Цзян Сюэхэ развиваются успешно. Она не только проводит время с ней, помогая в галерее, но и узнает ее привычки.

Например, Цзян Сюэхэ не любит жареное, предпочитает простую воду или зеленый чай вместо соков, любит солнце и светлые тона... А сегодня узнала, что она не любит сладкое.

Янь Гуйцю сидела на ковре у журнального столика, подперев подбородок рукой, и жевала печенье, подаренное Цзян Сюэхэ. Сладкий вкус вызвал у нее легкое замешательство.

Она взглянула на этикетку: срок годности семь дней, упаковка явно дорогая, да и такая сладость не каждому по вкусу.

Может, это новый продавец, Сяо Хэ, любит сладкое? — подумала Янь Гуйцю, но сама не поверила в это объяснение.

— Мы договорились вместе поужинать, — Янь Гуйцю доела печенье. — Мне кажется, я ей нравлюсь. Как думаешь, когда лучше признаться в чувствах?

Сун Аньчэнь: — ...

Вы, молодежь, всегда так спешите?

Сун Аньчэнь помолчала, а потом не выдержала: — Но... тебе не кажется, что все происходит слишком быстро?

Это было сказано еще мягко. Раньше, когда Янь Гуйцю была на эмоциональном подъеме, Сун Аньчэнь не видела проблемы, но сейчас, взглянув со стороны, она поняла: в поведении Цзян Сюэхэ тоже есть странности.

Янь Гуйцю была прямолинейной и доверчивой, поэтому ее «любовь с первого взгляда» была в ее духе. Но Цзян Сюэхэ была полной противоположностью — человеком, который не подпускает к себе посторонних. Однако именно с Янь Гуйцю она нарушила свои правила.

Даже лучшие друзья Янь Гуйцю иногда ссорились с ней из-за ее характера, а Цзян Сюэхэ, почти чужой человек, никогда не выражала недовольства.

Раньше Сун Аньчэнь списывала это на вежливость, но теперь поняла: если бы Цзян Сюэхэ была недовольна, она нашла бы сотню способов отвалить Янь Гуйцю. Но она этого не сделала. Напротив, она позволила Янь Гуйцю ворваться в свое личное пространство.

На первый взгляд — идиллия. Но бывают ли в жизни такие совпадения? Особенно с таким расчетливым человеком, как Цзян Сюэхэ.

— И потом, город Юньхуа — не самый крупный мегаполис. Климат, экономика, транспорт, культура — все довольно посредственно. Если ей хотелось быть ближе к родовому поместью, то город Линьюань на юге подошел бы куда лучше. Ты не думала, почему она выбрала именно Юньхуа? — спросила Сун Аньчэнь.

Янь Гуйцю замерла с печеньем во рту, прожевала и улыбнулась, успокаивая подругу: — Города тоже выбирают по зову сердца. Кто знает? Может, это судьба.

О «судьбе» Янь Гуйцю сама не особо верила, это было лишь шуткой. Но она не сомневалась в Цзян Сюэхэ. Во-первых, она давно уехала из дома и ей нечего было искать, а во-вторых, она привыкла действовать: если любишь — делай, не считая потерь. Если Цзян Сюэхэ ответит взаимностью — она будет счастлива.

После того как они дважды сходили вместе на ужин, галерея была полностью готова. В день открытия Янь Гуйцю даже раздавала листовки в университете.

Вернувшись, она увидела, что Цзян Сюэхэ разговаривает по телефону, и услышала слово «Юньхуа».

Она не собиралась подслушивать, но Цзян Сюэхэ заметила ее, поманила рукой и подошла.

— Я считаю, что в Юньхуа очень хорошо, и пока не собираюсь никуда уезжать, — сказала Цзян Сюэхэ собеседнику. — Благодарю за внимание, в следующий раз обязательно заеду лично.

Повесив трубку, она увидела, как Янь Гуйцю облегченно выдохнула.

— Сегодня ужин немного задержится, мне нужна твоя помощь, — Цзян Сюэхэ указала на мастерскую. — Утром забыла закрыть окно, залезла дикая кошка и устроила тут кавардак.

Галерея была сквозным помещением: с одной стороны — улица, с другой — внутренний двор. В мастерской окно выходило как раз в этот дворик, и кошкам не составляло труда запрыгнуть внутрь.

Янь Гуйцю вошла в мастерскую следом за ней.

Внутри царил хаос: мольберты повалены, вода из ваз разлита, цветы растоптаны. К счастью, ценные вещи были заперты, но деревянная шкатулка опрокинулась, и из нее разлетелись бумаги.

— Я уже договорилась, завтра придет мастер и закроет окно, — сказала Цзян Сюэхэ. — Мольберты и вазы поставь на стол, остальной мусор я позже подмету.

Цзян Сюэхэ занялась шкатулкой, а Янь Гуйцю начала поднимать вазы. В этот момент дверца шкафа открылась, и на пол с грохотом упала еще одна шкатулка, вытряхнув несколько листов бумаги.

Янь Гуйцю машинально обернулась, убедилась, что Цзян Сюэхэ не пострадала, и потянулась к летящим листам.

Это была бумага формата 16к, пожелтевшая от времени, на ощупь похожая на бумагу для эскизов. Янь Гуйцю, не задумываясь, перевернула один из листов.

Цзян Сюэхэ, подняв свои листы, вдруг замерла, заметив, что одного не хватает. Она обернулась.

Они обе застыли.

На бумаге был рисунок, который обе узнали мгновенно.

Черно-белый карандашный набросок Янь Гуйцю. Девушка в плаще стоит вполоборота, разговаривая с кем-то, но лицо прорисовано отчетливо. Рядом с развевающимися полами плаща размашисто написано слово «Янь», а рядом — аккуратный вопросительный знак.

В правом нижнем углу стояла подпись: «Хэ».

Дата: четыре года назад.

Четыре года назад.

Вечер, закат. Цзян Сюэхэ разговаривала по телефону с другом из страны, разбирая шкафы в своей мастерской. Среди груды бумаг она наткнулась на эскиз и замерла.

Иероглиф «Янь» напомнил ей о недавней встрече.

Опомнившись, она уже спросила: — Ты знаешь кого-нибудь из клана Янь?

Друг действительно знал. Внешность была характерной, и единственной подходящей по возрасту представительницей была Янь Гуйцю.

<http://bllate.org/book/19089/1874653>